

4. Мадер Р.Д. Анализ поэтического текста на уроках литературы. - М.: Просвещение, 1979.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. - Л., 1972.
6. Гончаров Б.П. Анализ поэтического произведения. - М.: Знание, 1987.
7. Тимофеев Л.И. Слово в стихе. - М.: Советский писатель, 1987.

Т.В. Павлова

Нормальные и патологические роды в произведениях русских писателей

Мужчина во многом определяется в его отношении к женщине, но в связи женщины и мужчины есть один момент, который всегда разобщает их, уводя женщину к новому, еще более любимому существу, что всегда, как бы внешне ни относился к этому мужчина, вызывает его ревность и, как следствие этого, отчужденность его от женщины. Появление ребенка в своих произведениях так или иначе описывало большинство писателей, но как различается то, что они писали, и как, еще больше, то, что не писали они! Восемь томов А.П. Чехова. Целый город женщин! – И только в единичных рассказах по несколько слов о рождении. «А Липа все играла со своим ребенком, который родился у нее перед постом.» И уже через несколько страниц читаем: «Никифора свезли в земскую больницу, и к вечеру он умер там». («В овраге») В другом произведении Антона Павловича Чехова «Три года» ситуация повторяется: «... Юлия была уже беременна» И опять, через два листа текста «...ребенок умер». И все... Мы даже представить себе не можем беременных трех сестер, Ариадну, Анюту, аптекаршу, Анну... продолжать можно бесконечно! А если и есть дети, то они как бы совершенно оторваны от своих матерей, которые почти стыдятся, что они матери («Чайка», «Три сестры»). Можно было бы выстроить целую теорию о предчувствии Чеховым *вымирающей России*, но, мне кажется, дело здесь совсем в другом. Чехов всегда избегал изображения настоящей любви: полнокровной, с живыми, земными женщинами – не актрисами, многие из которых и гнезда свить не смогут, не чужими женами, которых не оторвать от уже созданного гнезда. Непонимание женского начала в героинях просматривается практически во всем чеховском художественном творчестве.

Еще более любимый мною И.А. Бунин. «Темные аллеи». Любовь, необыкновенно женская, необыкновенно русская, трагичная. И о каких родах может идти речь, если умирает, и так рано, половина любви («Последняя осень», «Генрих», «Грамматика жизни»), когда умирает само воплощение любви, будь это мужчина или женщина («Легкое дыхание», «Митина любовь»)? Одинокий, одинокий даже с близкой женщиной Иван Алексеевич, одинокий всегда. Еще в рассказе, написанном в России (1903) «Сны», звучит страшное: «У него жена в родах помирает... с не-

понятным злорадством заговорил: Вот тебе и жениться на богатой! Второй день мучается”.

Я так стараюсь быть непредвзятой, но вот и следующим автором, Ф.М. Достоевским, дается в “Бесах” необыкновенное описание родов, и эти десять с лишним страниц хочется приводить полностью – с таким реализмом описаны и фазы родов, и душа мучающейся женщины: “-Да неужели вы не видите, что началось?... я мучаюсь родами... была так беспомощна, до того страдала... дошла до последней степени страха за свою жизнь... крик младенца, слабый, надтреснутый... лежала без чувств... совсем какой-то новый был этот взгляд... великая радость...” Затем писатель в своем романе убивает всех: мать, дитя и даже мужчину, который решил быть отцом чужому ребенку, убивает “новую мысль, новую любовь”, и не случайно так страшно Шатову: Достоевский уничтожает само *право* на счастье в ревности перед ним.

И опять тексты, тексты. Л.Н. Толстой “Воскресение”. Катюша Маслова в родильной горячке (послеродовой сепсис). Смерть ребенка. Но разве мог он жить, все уже осознающий, хотя и не родившийся, если ранее: “Пройдет поезд – под вагон, и конечно”, -думала между тем Катюша... Но тут же ... он, ребенок – его ребенок, который был в ней, вдруг вздрогнул, стукнулся и плавно потянулся и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым. И вдруг все то, что за минуту так мучило ее, что, казалось, нельзя было жить, вся злоба на него и желание отомстить ему хоть своей смертью, – все это вдруг отдалилось. Она успокоилась, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой. Ребенок спас ее. Опосредованно он спас для воскресения и Нехлюдова. И эта уже жуткая, мистическая жертва невинным агнцем, как всегда у нас, русских, сопряжение язычества и христианства.

Совсем другое в “Войне и мире”. Роды Лизы: “...Страданья только отпустили ее, черные волосы прядями вились у ее воспаленных, вспотевших щек... за что я страдаю? Жалкие, беспомощно-животные стоны слышались из-за двери... Вдруг страшный крик – не ее крик, она не могла так кричать... крик замолк, но послышался другой крик, крик ребенка.. Она мертвая лежала в том же положении... бледность щек...” (По-видимому, в данном случае вариант болевого шока, вызванного разрывом матки) . Лев Николаевич “убирает” нелюбимую женщину, жертвуя ею, чтобы освободить место для другой любви, любви к Наташе. Но до счастливой развязки коллизий еще далеко. Только в конце, в Эпизоде, Толстой населяет мир художественного текста детьми и беременностями главных героинь романа-эпопеи.

В рассказе М. Горького с программным названием “Рождение человека” читаем: “Баба громко, протяжно завывала, из глаз ее, готовых лопнуть, брызнули мутные слезы и потекли по багровому, натужно натянутому лицу... точно медведица, рыча, хрипя, пошла на четвереньках в кусты... Подломились руки, она упала, ткнулась лицом в землю и снова завывала, судорожно вытягивая ноги... Баба извивалась, как береста на огне, шлепала руками по земле вокруг себя и, вырывая блеклую

траву, все хотела запихать ее в рот себе, осыпая землей страшное, нечеловеческое лицо, с одичалыми, налитыми кровью глазами, а уж пузырь прорвался и прорезывалась головка... орет, хоть еще связан с матерью... Ножиком... перережь... перевязать пупочек... кусая губы, в схватках, извергавших послед... приложил к теплomu ее телу буйного орловца, он сразу все понял и замолчал... открылись эти донельзя прекрасные глаза – святые глаза родильницы, - синие, они смотрят в синее небо, в них горит и тает благодарная, радостная улыбка; подняв тяжелую руку, мать медленно крестит себя и ребенка..."

Дорота Пазио (Варшава, Польша)

Языковая картина мира россиян и ее отражение в сакральной лексике

1. Предмет исследований:

языковая картина мира россиян на примере лексики, характеризующей сферу сакрум; хронологические рамки анализа: 1949–1999 гг.

2. Источники:

- основополагающие для отбора анализированного материала: семь нестереотипных изданий *Словаря русского языка* С. И. Ожегова, т.е. 1-ое (1949), 2-ое (1952), 4-ое (1960), 9-ое (1972), 13-ое (1981), 16-ое (1984) и 21-ое (1989), а также С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова *Толковый словарь русского языка* (1992), Д. Н. Ушаков *Толковый словарь русского языка* (1935–1940), два издания четырехтомного академического *Словаря русского языка* (1957–1961; 1981–1984), Г. Н. Складневская *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения* (1998).
- дополнительные материалы, используемые в ходе работы: монографии и статьи, посвященные проблематике религиозной лексики с учетом зарубежных публикаций, напр.: «Церковно-общественный вестник», издаваемый как приложение к еженедельнику «Русская мысль».

3. Задачи исследований:

- подтверждение правомерности тезиса об отображении в языке основных идей и приоритетов носителей данного языка;
- характеристика процесса изменений, наблюдающихся в российской языковой картине сферы сакрум на протяжении анализированного периода;
- выявление взаимосвязи между изменениями в языковой картине сферы сакрум и политико-экономическими трансформациями с особым учетом идеологических и духовных перемен;
- подробное описание новаций в языковой картине сферы сакрум.